

Безумная экономика для думающих людей

Автор:

Дмитрий Потапенко

Безумная экономика для думающих людей

Дмитрий Валерьевич Потапенко

Александр Вячеславович Иванов

Умный бизнес

Безумная экономика – это фейерверк из экономических кейсов, изучение которых развивает критическое мышление и помогает анализировать ход современной экономики. Авторы книги дают читателю удочку, а не рыбу; пищу для размышлений о том, что лежит в основе экономических процессов. Увлекательно, понятно, непринужденно! Неформальная экономика в лицах, историях, сюжетах и аналогиях!

Рекомендуется к прочтению тем, кто хочет постигнуть суть экономических процессов и явлений, расширить экономический кругозор.

Авторы книги: Д. В. Потапенко – экономист, управляющий партнер компании Management Development Group Inc., А. В. Иванов – Президент Национальной ассоциации дистанционной торговли (E-commerce Russia).

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Дмитрий Потапенко, Александр Иванов

Безумная экономика для думающих людей

История бросками и рывками

эпохи вытрясает с потрохами,

и то, что затевало жить веками,

внезапно порастает лопухами.

Игорь Губерман

Габер

Вопреки обывательским представлениям, Томас Мальтус, священник из Суррея, не был ни чудовищем, ни человеконенавистником, ни кровавым маньяком. Он и сам был несколько смущен итогами своих наблюдений (опубликованными в 1798 году), согласно которым количество производимого продовольствия росло сильно медленнее, чем человеческая популяция. Место пересечения двух кривых роста – кризис, «мальтузианская ловушка», которая неизбежно приводит число людей в соответствие с возможностями природы прокормить их, а средства уменьшения популяции известны – это войны и эпидемии, физическое уничтожение «лишних ртов».

Лучшие умы мира разводили руками. Увы, опровергнуть Мальтуса было невозможно, он прав, кругом прав – видимо, уничтожать друг друга написано на роду человеческом. Правда, существовала и другая возможность – резкий рост интенсификации сельского хозяйства. Но ко времени выхода в свет «Очерка о народонаселении» Мальтуса человечество еще даже не знало, за счет чего обеспечивается урожайность, и ломало копыя в схоластических по большей части спорах о том, получают растения пищу из воздуха или из земли.

В 1840 году Юстус Либих (современники долго и изощренно высмеивают его, но в итоге его теория преодолевает скептицизм европейских остроумцев) наконец-

то разбирается в этом вопросе. Становится ясно, что будущее выживание количественно растущего человечества зависит от удобрений – фосфатных, калийных и азотных. И если с первыми двумя проблем не возникало – они в достаточном количестве встречаются в природе, – то азотные удобрения были в огромном дефиците.

Собственно говоря, на свете в тот момент существовало два источника этих удобрений – залежи селитры и производство азотного удобрения. Серьезных запасов селитры обнаружено было на планете всего два: в Индии и в Чили, причем чилийская селитра была совершенно замечательна и по своему качеству, и по своим запасам.

Когда говорят о чилийской селитре, многие представляют себе запасы какого-то удивительного минерала. На самом деле это гигантские многовековые залежи птичьего помета, сохранившиеся благодаря своеобразному климату Атакамской пустыни – полоса длиной 200 км, шириной около 3 км и глубиной от 30 см до 3 м. Запасы селитры в Чили казались неисчерпаемыми (они и по сей день не исчерпаны), но проблема заключалась в том, что селитра – продукт «двойного назначения»: кроме удобрения она была незаменима еще и при производстве пороха. Для человечества по сей день дилемма «кормить или убивать» решается в пользу последнего. Так что вся без остатка чилийская селитра – довольно дорогая, заметим – шла на производство пороха.

Сельскому хозяйству оставалось довольствоваться так называемой буртовой селитрой – продуктом адской смеси, получаемой при разложении органики. В специальных «селитерницах» смешивали навоз, внутренности животных, болотную жижу, мочу, золу и прочие дурно пахнущие ингредиенты. На производство 1 кг селитры требовалось затратить около 6 кг «исходников». Правительства некоторых стран материально поощряли производителей насущно необходимого удобрения. Но само производство было маломощным и удовлетворить спрос на удобрение могло лишь в микроскопической степени.

Спасение человечества от «мальтузианской ловушки» пришло, разумеется, от ученых. В тот момент было уже известно, что воздух в значительной (около 80 %) степени состоит из азота, но азота трудно извлекаемого. Известно было и то, что больше всего азотных удобрений на планете (и по сей день) производится молниями, когда высокие температуры вызывают отделение азота, который потом в чрезвычайно низкой концентрации попадает вместе с осадками на землю. И вот тут на мировую арену выходит наука химия, в лице

главного гения и главного злодея эпохи, Фрица Габера.

Рожденный в немецком Бреслау (ныне Вроцлав в Польше) выходец из состоятельной семьи, еврей Габер переживал вместе со страной тот период ее истории, когда не «Германия для немцев», а когда «мы все одна страна», и это счастливое время навсегда отпечаталось в его сознании. Правда, окончив университетский курс (среди его учителей был, в частности, знаменитый Бунзен, изобретатель до сих пор востребованной газовой горелки, и множество других звезд науки), Габер столкнулся с тем, что не может получить достойное место ни в одном из университетов.

Пару лет он работает в компаниях своего отца (его бизнес – красильное производство, и отличный химик там очень к месту), но затем совершает решительный поступок, один из многих в своей жизни: он крестится. И действительно получает в одном из университетов место профессора, соответствующее его научной квалификации.

Это событие никоим образом не пошатнуло патриотизм Габера (который будет подвергаться еще и не таким испытаниям), и он с наслаждением окунается в любимую науку. Его цель прекрасна и захватывающе глобальна: он мечтает «накормить Германию», добыть селитру из воздуха. Его опыты производят сильное впечатление на Карла Боша, руководителя исследовательской лаборатории завода BASF – Badische Anilin- und Soda-Fabrik, – и Габер получает устойчивое финансирование, которое позволяет ему довести свои опыты до победного конца: ему удастся получить аммиак из... да, из воздуха!

Конечно, это вовсе не было концом истории, потому что потребовался еще гений Боша (будущего Нобелевского лауреата), чтобы разработать промышленные, а не лабораторные технологии получения аммиака, но... Начиная с 10-х годов прошлого века о «ловушке Мальтуса» вспоминают разве что как о забавном научном казусе. Габер, мечтавший накормить Германию, накормил весь мир и, стоит признать, в обозримом будущем проблема перенаселения планеты и мучительной голодной смерти перед человечеством больше не стоит (правда, остается проблема распределения произведенного, но это уж точно не проблема науки химия).

Косвенное последствие открытия Габера – это всемирный процесс индустриализации. Теперь, после повышения интенсивности сельскохозяйственного производства, в мире высвободились сотни миллионов

рабочих рук, которые были перенаправлены в промышленность. Сильно сократившееся количество крестьян справлялось с задачей накормить всех, в том числе и выбывших из числа производителей продуктов, так как резко, в разы и даже десятки раз, выросла интенсификация производства еды.

Достижение Габера – настоящий триумф науки, невероятный и блестящий. Наверное, история науки не знает ничего подобного тому, что совершил этот человек, но... Габер не умер от счастья сразу же после своего изобретения. И лавры спасителя человечества носил он по историческим меркам не слишком долго.

Мальтузианцы еще в середине XIX века подсчитали, что продовольствие закончится на планете в середине 10-х годов XX века и начнется страшная война, где люди будут убивать друг друга. За еду. Война и началась – правда, вовсе не за поля и нивы.

Габер, считавший, что «в мирное время ученый принадлежит человечеству, но в военное время только своей стране», поставил свою науку на службу кайзеру: изобретенный им аммиак позволял производить боеприпасы для немецкой армии в неограниченных количествах.

Историки той войны пишут, что без открытия Габера война вряд ли продолжалась бы два года или даже год – на ее ведение банально не хватило бы боеприпасов, которые в чудовищных масштабах были обрушены друг на друга воюющими сторонами.

Но Габер пошел сильно дальше, чем производство боеприпасов. Он не просто создал боевые отравляющие вещества, но и лично принимал участие в газовых атаках на позиции противников (среди прочих под его началом в этом участвовали будущие нобелевские лауреаты Франк, Герц и Ган).

В 1915 году его жена, тоже химик, после того как произошла печально знаменитая газовая атака под Ипром, не в силах перенести этот ужас, покончила жизнь самоубийством. Габер, скорбя, на следующий день после ее смерти, однако, выезжает на Восточный фронт готовить новую газовую атаку. Заметим, что один из первых противогазов – тоже разработка того же Габера, но о спасенных благодаря его изобретению солдатах мало кто вспомнил, зато именно Габеру, как человеку, активнейшим образом способствовавшему и лично

участвовавшему в развязывании «газовой войны», припомнили все ее жертвы. Более 80 тысяч жизней унесла «газовая война», еще около 1,3 млн солдат остались искалеченными на всю жизнь.

Но вот война все-таки заканчивается. Габер, которому присвоен не слишком высокий чин капитана, и он гордится им чуть ли не больше, чем всеми своими научными наградами (портрет кайзера всегда висит над его рабочим столом), вынужден какое-то время скрываться, опасаясь попасть в список военных преступников. Нобелевская премия, присвоенная ему в 1918 году, будет получена им только год спустя и, при всех его невероятных заслугах перед человечеством, воспринята она будет более чем неоднозначно.

«В мирное время ученый принадлежит человечеству» – и Габер, один из самых значимых ученых в истории человечества, организует ставшие знаменитыми «габеровские семинары», серию научных конференций с привлечением лучших умов того времени (в них участвуют Планк, Бор, Борн, Эйнштейн – странно, но пацифиста Эйнштейна и яростного «патриота» Габера связывает дружба), пишет ряд ярких научных работ. Но вирус патриотизма неистребим, и Габер, добывший азот из воздуха, решает добыть золото... из морской воды. А золото, как он считает, нужно его Германии, чтобы побыстрее расплатиться по контрибуциям.

К этому моменту он имеет славу почти что колдуна, и снисходительно относящегося к алхимии Габера заранее объявляют «спасителем нации», но опыты заканчиваются ничем. Габер обнаруживает, что содержание золота в морской воде в 1000 раз меньше, чем предполагалось, и признает добычу золота таким способом нерентабельной.

В то же время начинается новый виток его сотрудничества с BASF, куда его привлекает все тот же Карл Бош, ставший к тому времени главным человеком сначала в BASF, а потом и в концерне ИГ Фарбениндустри, крупнейшем химическом предприятии Европы. Нет, Бош, будучи химиком, никак не участвует в добыче золота из воды, но Габер становится незаменимым экспертом во всех научных экспериментах в промышленной химии.

Война, как мы уже и говорили, ничуть не умерила патриотизма Габера, он востребован германским генштабом, который ни на минуту не перестает мечтать о реванше. Вот только производство боевых отравляющих веществ на территории Германии запрещено, и производство химического оружия

переносится в СССР (Габер даже становится почетным советским академиком), тем самым положив начало производству немецкого оружия массового поражения в Советском Союзе.

Попутно Габер продолжает «колдовать» над новыми отравляющими веществами. Среди его разработок – тот самый печально известный Циклон Б, который унесет неисчислимое количество жизней в нацистских концлагерях, в том числе и жизней евреев, среди которых будут и родственники Габера. Возможно, Габеру повезло, что он не дожид до полного торжества нацизма – он умер в эмиграции в Швейцарии в 1934 году.

В 1932 году его, директора института, принуждали уволить сотрудников из-за их «расовой неполноценности». Габер предпринимает демарш. Он отказывается увольнять своих коллег и подает в отставку сам, наивно полагая, что этот шаг великого Габера, мировой знаменитости и истинного патриота, члена совета директоров крупнейшей химической компании мира и разработчика смертоносного оружия, убедит власти пересмотреть несправедливое решение в отношении его сотрудников. Увы, он просчитался. Для новой власти он был просто евреем, его научная квалификация и патриотический пафос оказались ничтожными перед его происхождением. Дальше события и вовсе складывались так, что он счел благоразумным покинуть свою страну.

Возможно, несколько пафосный патриотизм Габера дал в конце его жизни серьезную трещину: он умирает от инфаркта по дороге в Палестину, где, как предполагалось, он должен был стать профессором еврейского университета.

Его коллега и партнер Карл Бош, вместе с которым Габер увековечен в химической реакции, названной «процесс Габера – Боша», осторожно сотрудничает с нацизмом, наивно объясняя всем (самому себе в первую очередь, наверное), что его вынужденные патриотические речи – всего лишь способ уберечь возглавляемый им концерн и рабочие места своих сотрудников. (К слову, уберечь не удалось: после войны концерн, производивший 85 % всей военной продукции для нацистов, включая отравляющие вещества, будет разделен на 12 компаний, среди которых BASF, Bayer и Agfa.) Бош тоже не доживет до Нюрнберга – он умрет в 1940 году. Его старший сын, как и жена Габера, покончит с собой в 1946 году, когда будут опубликованы данные о страшном Циклоне Б и его изобретателе.

Добрый гений Габера продолжает служить человечеству и сегодня: в мире вполне хватает пищи для прокорма все увеличивающегося человечества, и призрак войны за обладание едой над нами больше не довлеет. Злой гений Габера продолжает убивать и отравлять, бесконечно пополняя смертоносный арсенал.

Гений или злодей?

Прелюбопытнейшая история. И очень поучительная. Заметьте, как Томас Мальтус, священник из Суррея, пользуясь, попросту говоря, неполным объемом данных, сделал вывод, что человечество будет драться за еду. И выдвинул очень смелое предположение, что практически в середине 10-х годов XX века, то есть, грубо говоря, в 1910–1920-м, человечество организует войну исключительно из-за еды. И человечество организовало войну. И не одну. Но отнюдь не из-за еды. При этом основной посыл и основной вопрос был о нехватке продовольствия, который достаточно легко разрешили ученые, а именно – главный злодей и главный гений, Фриц Габер.

Кем же он является, злодеем или гением? Гением, наверное. А вот то, как политики использовали это научное изобретение, можно легко проследить на истории как раз Первой мировой войны.

Когда Габер говорил, что в мирное время ученый принадлежит человечеству, мне кажется, он имел в виду, что наука вообще принадлежит человечеству и она ни при каких обстоятельствах не может принадлежать войне. Это – ключевой посыл. Потому что, как мы с вами видим, большую часть научных изобретений политики умудряются использовать для уничтожения себе подобных, достижения каких-то мифологических, но очень жестоких целей.

И, мне кажется, здесь очень легко перебросить мостик к сегодняшнему времени. Наука изобретает, наука старается решить проблему и задачу. А политики ставят ту же самую цифровизацию, которую мы видим вокруг, на службу великому злу, которое они искренне выдают за добро. Но добро – для ограниченной группы лиц. И здесь, наверное, лежит первооснова зла.

Не старайся сделать добро для узкой группы населения или узкой группы лиц. Сделай так, чтобы это изобретение или твоя придумка, дорогой политик, служила большей части или, я сказал бы, всем. То есть чтобы это изобретение можно было применить для каждого, и оно не унизило бы и не уничтожило этого каждого. Как вы видели, многие из родных и близких Габера не справились с тем ужасом, в который превратили его достаточно мирное изобретение. Добыча азота привела к появлению величайшего оружия уничтожения.

Это один из случаев, когда пафосный патриотизм Габера был использован на службу злу. Ни сын, ни жена Габера так и не смогут справиться с этой тяжелой ношей. А добрый гений Габера по-прежнему служит человечеству. Пищи у нас достаточно, и призрак войны за еду над нами не довлеет. А Третья Цифровая война, как я ее называю – война 3.0., – она с нами, когда уже другие изобретения используются политиками для достижения своих грязных целей.

Египетские кошки

Около 150 года до н. э. великий император Цзин-ди отправил посольство в Египет для того, чтобы послы закупили там бесконечное количество кошек. Императорские амбары ломились от зерна, его поедали мыши, и только лишь кошки, обитавшие в далеком Египте, могли спасти китайского императора.

Сказка, как говорится, ложь: император ничего не мог знать о Египте, а в Китае хватало и своих кошек, вовсе не экзотического египетского происхождения, а местных. Но в сказке, как водится, одновременно и намек: богатства Цзин-ди были и в самом деле так велики, что ни потратить, ни сберечь их не было никакой возможности.

В самом начале своего царствования Цзин-ди, послушавшись своего главного и доверенного советника Чао Цо, ввел налоговую реформу, снизив налог на своих подданных с 10 % (именно такой процент считали целесообразным великий Кун Фу-цзы и его замечательный последователь Мэн-цзы) до 3 %. И меньше, чем через 10 лет, императорская казна столкнулась с проблемой переполненных амбаров: крестьяне и ремесленники Китая, воспрянув от налогового ярма, резко увеличили производительность. Позднейшие историки писали, что Чао Цо

насчитал втрое (!) большие поступления в казну за 10 лет по сравнению с предыдущим десятилетием.

Большой заботой и самого Чао, и другого советника императора, непобедимого военачальника Чжоу Яфу, стало и размещение на свободных землях, которых всегда хватало даже в перенаселенном Китае, крестьян, которые бежали к императору земли Хань из других стран и земель в надежде обрести безбедное существование, и ожидания их оправдывались.

Страна прирастала людьми, люди богатели, законы регулярно смягчались, огромная и прекрасно вооруженная армия под предводительством Чжоу Яфу защищала земли от набегов грабителей-кочевников. Даже извечные враги, сюнну (гунны), столетиями наводившие ужас на Китай, были усмирены мощной армией и умной дипломатией.

Как и все императоры династии Хань, в преклонном возрасте Цзин-ди, возможно, сошел с ума: ему всюду мерещились заговоры, и даже его самые близкие соратники Чао Цо и Чжоу Яфу (некогда сами, заметим, сплетавшие интриги и разжигавшие подозрительность императора в отношении князей и придворных) вынуждены были покончить жизнь самоубийством, предпочтя ее мучительной казни, которая стала в последние годы царствования Цзин-ди обычным делом.

Наверное, именно поэтому осыпанная ранее благодеяниями Цзин-ди страна вздохнула с облегчением, когда после его смерти ему наследовал его десятый сын, рожденный любимой наложницей императора, У-ди.

У-ди, в отличие от его отца и деда, история прославляет как величайшего из императоров всех времен. В юности У-ди, вступивший на престол в 16 лет и находясь под опекой своей бабушки, не смог спасти от смерти своих учителей-конфуцианцев, и это, видимо, стало для него сильным потрясением. Всю свою жизнь он посвятил укреплению собственной власти. А средства укрепления власти известны – войны против внешних и внутренних врагов. При этом У-ди поначалу был довольно дипломатичен: например, возвеличивая конфуцианцев, он одновременно привечал и даосских монахов, строя храмы и самостоятельно совершая богослужения.

Огромная и мощная армия, доставшаяся ему в наследство от отца, воевала беспрестанно: за 53 года правления У-ди у империи не случилось ни одного

мирного дня. И войны его были в основном успешны. На юге разгромлено было государство северных вьетов со столицей в Гуанчжоу, который отныне и на века стал китайским. На севере, преодолевая сопротивление сюнну, китайские армии достигли оконечности пустыни Гоби, строя там свои крепости и города и населяя их своими подданными. На востоке его армии закрепились в Корее. На западе...

Пожалуй, самым главным направлением в его царствование стало именно западное: один из чиновников У-ди, Чжан Цянь, был послан им в неведомые западные земли. Чжан Цянь не просто совершил невозможное, преодолев сложнейший и полный опасностей маршрут. У него еще и хватило ума понять, насколько удивительны, богаты и полезны Китаю лежащие вдалеке и неизвестные ранее западные цивилизации. А у У-ди хватило мудрости понять, какие перспективы сулят эти контакты Китаю.

У-ди принимает план «10 тысяч ли» – именно на столько (примерно 5 тысяч километров) должна была продвинуться западная граница Китая, чтобы связать две мировые культуры, до того пребывавшие в изоляции.

Все те же сюнну и масса других племен и народов противостояли Китаю. Войны с переменным успехом велись без конца и никогда более не прекращались, но Китаю удалось выкроить коридор для прохода своих караванов в Ферганскую долину.

Не только Запад интересовал У-ди: император искал любой повод развязать войну с кем-нибудь из соседей. Любая соседская заварушка обязательно заканчивалась тем, что хоть кто-то из враждующих просил помощи у Китая, и У-ди охотно ее оказывал всем, даже если никто этого не просил. Но в итоге не «союзник» У-ди становился победителем: захваченные земли и богатства переходили к У-ди, а «союзники», ради которых Китай вводил свои войска, как правило, истреблялись.

Империя Хань всего за несколько десятилетий после начала правления У-ди стала просто гигантской, превосходящей размерами Римскую империю времен расцвета, но от сытой и благополучной жизни времен Цзин-ди не осталось и следа. Налоги росли: сначала добрались до «конфуцианских» 10 %, а после быстро и легко увеличивались. Уже к концу II столетия до н. э. крестьяне вынуждены были отдавать в казну треть урожая, и массовое их переселение из страны Хань приобрело характер бегства. Бежали в основном на юг, в долину реки Чжуцзянь (с тех времен и поныне это самый густонаселенный район Китая),

но и там их настигала и завоевывала победоносная армия У-ди, которая с 30-х годов II столетия до н. э. почти целиком набиралась из числа помилованных преступников. Практика помилования уголовников для службы в армии была придумана советниками У-ди и в его царствование стала нормой.

К 100 году до н. э., когда налоги достигли 50 %, произошло то, чего не случилось в Китае более полувека: начались крестьянские восстания. Они вспыхивали регулярно по всей стране – и на старых землях, где люди еще помнили 3 %-ный налог времен Цзин-ди, и на новых, только что завоеванных, где людям 3 % даже во сне не снились, но налоги У-ди сильно превосходили установленные (не без влияния местных последователей Кун Фу-цзы) ранее. Восстания жестоко подавлялись уголовниками в солдатских одеждах. Но голод, вдруг поселившийся в стране, где совсем недавно зерно переполняло амбары и некому было съесть эти запасы, продолжался в империи долго.

Сам же император, пресытившийся земной властью, думал о вечной жизни: даосские ритуалы должны были бы ее гарантировать. У-ди проводил свое время в молитвах, вознося духам просьбы о бессмертии. Окружение его стало состоять из магов, колдунов и шаманов, которых император то возвеличивал, то, разочаровавшись, казнил.

И уж конечно, придворная жизнь изобиловала всяческими «заговорами» и их «раскрытиями», сопровождавшимися казнями. Участь эта не обошла, пожалуй, и самого знаменитого из китайских историков, Сыма Цяня, которому выпало сомнительное счастье быть современником У-ди. Император «раскрыл» «мятеж» своих полководцев, и Сыма Цянь оказался единственным, кто (Кун Фу-цзы ведь заповедовал говорить правду в лицо тирану, какой бы горькой она ни была!) высказался в их защиту. Он был приговорен к смерти, но мера вины его по обычаям той поры позволяла вместо смерти внести деньги или подвергнуться оскотлению. Не имея средств, Сыма Цянь между позором и обязательством, данным покойному отцу, завершить исторический труд, выбирает последнее. Как сложилась его жизнь после этого события – неизвестно. Величайший из китайских историков, благодаря которому, собственно, потомкам и стало известно о величайшем из императоров, умер в безвестности.

Возможно, сказывается насыщенная эзотерическими впечатлениями жизнь У-ди. А может, наследственная болезнь императоров династии Хань (хотя, судя по всему, любой одуревший от безнаказанного самоуправства впадает в такого рода сумасшествие, примеров чему в истории бесконечно много) приводит к

тому, что У-ди в конце своей жизни не интересуется ничем, кроме как охотой на ведьм. Пройдут тысячелетия, и «охоту на ведьм» будут поминать в кавычках. Но У-ди воевал с ведьмами вполне конкретно: основанием для казней были его сны, где к нему являлись духи и боги и показывали ему, кто именно и что именно замышляет против него.

Свита императора пребывает в вечном беспокойстве за свои жизни и судьбы своих семей, подданные разбегаются, казна пустеет. Торговые пути перерезаны бандами, которые всегда появляются во времена обнищания. Армия мародерствует. В империи всякий, вне зависимости от звания и состояния, находится под угрозой каждую минуту. Война идет и на границе, и по всей стране. Такое наследие оставляет величайший из императоров Китая своим потомкам.

Наследник У-ди, Чжао-ди (вернее, его советники-конфуцианцы – сам он взошел на престол в возрасте 6 лет) все свое царствование был занят тем, что снижал налоги, утихомирив в итоге пожары крестьянских войн, наводил порядок на границах, восстанавливал армию и торговые сообщения. Впасть в маразм и убийственную (буквально) для подданных подозрительность он не успевает, умерев в 20-летнем возрасте, но его потомки будут уже не в состоянии вернуть времена «3 %», и вся династия Хань с этого момента катится к упадку, напоминая гигантский корабль, получивший пробоину, залатать которую уже невозможно.

Лучший в истории период Китая, времена Цзин-ди, больше не вернутся никогда, хотя нынешнее правительство Китая очень успешно применяет ту же практику – снижение налогов ради общего роста благосостояния и благополучия. Жуткий период «самого великого в истории» У-ди, в конце концов, ничем не отличается от других «самых великих в истории» любой другой страны – прекрасно выглядящее на политических картах «величие» и крайняя нищета и массовая гибель современников «величия».

Идея резкого снижения налогов для пополнения казны в среднесрочной перспективе в истории любой страны срабатывала всегда, но среднесрочная (про долгосрочную уже и не говорим) перспектива неинтересна политикам, которые решают сиюминутные задачи. Везло мало кому и редко когда, но вот Китаю с Цзин-ди – повезло. Пусть и ненадолго.

Цзин-ди и постковидная эпоха

История интересна в первую очередь тем, что это – вечный вопрос: снижение налогов – подъем налогов. Что делает Цзин-ди для приведения экономики к росту? Производит снижение налогов.

Здесь очень много аналогий, причем аналогий именно с постковидной эпохой, как я считаю. Для того чтобы сейчас стимулировать экономику, самым правильным было бы не повышение налогов или косвенных платежей, как у нас это активно делается, когда разговор идет якобы о прогрессивной шкале налогообложения. Конечно, никакой прогрессивной шкалой налогообложения повышение налогов НДФЛ с 13 до 15 % не стало. Это достаточно бессмысленный жест, потому что в рамках государства получится всего порядка 60 миллиардов. Это не ахти какие большие деньги. Пропагандируется, что они пойдут на лечение детей, больных. Никто, правда, не рассказал, каков инструмент включения этих денег в больничные и медицинские расходы. Подходящий налог никогда, ни при каких обстоятельствах не шел целевым образом в какой-либо иной фонд – для этого нужно жестко менять законодательство.

Чем обычно заканчиваются все автократии и царства? Посмотрите на династию Хань. В преклонном возрасте Цзин-ди фактически впал в маразм, стал параноиком. Это проблема как раз несменяемости власти, когда ты все время находишься в одном окружении, поэтому всюду начинают мерещиться заговоры и, в общем-то, ты их находишь и начинаешь пытаться в том числе и невинных.

При этом, если вы увидите тут интересную аналогию, Чжан Цянь преодолел сложнейший, полный опасностей маршрут и расширил территории. Расширение территорий у нас всегда связывается с расширением в сторону Крыма, но периодически бывают пассажи, что выход республик из состава СССР должен был сопровождаться возвратом территорий, ранее принадлежавших России. Правда, надо понимать – какой России.

Если пройти по самой истории, мы увидим, что повышение налогов в 90 % случаев приводит к разорению. А строительство храмов, военных храмов, зиккуратов – прямые аналогии с тем, что сейчас у нас происходит вокруг не Красной уже площади, а Храма вооруженных сил. Читаешь историю и думаешь: заменить китайские названия на российские – и будто про нас написано. До

охоты на ведьм, мы, слава богу, не добежали.

В целом повествование про египетских кошек – это скорее «повесть временных лет», которая очень четко показывает: если гражданское общество реагирует, поклоняясь идолам, кумирам, которых люди сами себе создают, в конечном итоге это приводит к упадку империи. Империя разваливается. Правда, в данном случае это относится к Российской Федерации. Российская Федерация является империей только уже, наверное, на словах.

Поэтому учите историю. Она дает много мудрых мыслей и мудрых аналогий.

Разрыв в Бордо

Бум железнодорожного строительства случился во Франции в первой половине XIX века. Генеральное собрание обсуждало грандиозный проект: строительство магистрали Париж – Мадрид. В рамках проекта обсуждалась (на полном серьезе, без шуток!) в том числе и идея устроить разрыв пути в районе Бордо.

Аргументы были весомыми: это, по мнению авторов идеи, привело бы к подъему местной экономики за счет расцвета бизнесов грузчиков, извозчиков, посыльных, расцвету складов и гостиниц. Бордо невиданно разбогател бы, а «что хорошо для Бордо – хорошо для Франции». На свою беду инноваторы творили и жили в одну эпоху с Фредериком Бастиа, возможно, лучшим сатириком в истории экономики.

Бастиа с удовольствием «оттоптался» на депутатах, написав статью, в которой интересовался, почему бы, коль мы делаем лучше для Бордо, не сделать заодно лучше и для Ангулема, Тура, Пуатье, а также для более мелких городков и, если уж делать «лучше», то вообще для каждого из населенных пунктов на пути следования поездов. Бастиа писал, что если железная дорога будет состоять из одних только перерывов, это отличный повод сэкономить на ее строительстве, а все городки расцветут сами. За счет грузчиков с посыльными. Идея разрыва в Бордо была торпедирована.

Бастиа вообще был безжалостен к экономическим инвалидам. Например, известно, что установление торговых отношений между странами он считал задачей сложной и сравнивал ее с рытьем тоннеля под горой. И вот, когда тоннель прорыт и, казалось бы, по нему можно ездить и возить товары, государства по обе стороны тоннеля громоздят границы и таможни, задача которых максимально усложнить торговый обмен... Бастиа был одним из первых экономистов, усомнившихся в праве и смысле государства брать мзду за предпринимательскую активность своих подданных.

Совершенно замечательны рассуждения Бастиа об импортных барьерах на примере Робинзона Крузо: экономист предлагает нам представить ситуацию, когда Робинзон, планировавший сделать доску для строительства корабля, увидел вдруг прибитую прибоем к его острову идеально подходящую доску. Далее следует вымышленный диалог Бастиа и сторонника внешнеэкономических барьеров, который убеждает автора, что для умного и правильного развития экономики необитаемого острова, куда судьба забросила Робинзона, он должен отказаться от доски, которая сама приплыла ему в руки. Потому что «умная экономика» – это лезть на гору и искать подходящее для доски дерево, рубить его, тупя топор и постоянно его потом затачивая, так как рубка дерева и заточка топора дает работу, а работа важна. А так как на рубку и заточку потребуется масса времени и запасы продовольствия Робинзона истощатся, то это (большое благо!) будет стимулировать Робинзона выращивать и запасать больше продовольствия.

Иными словами, блага, сами приплывшие к нам в руки, Бастиа сравнивал с благоприятной политикой в импорте и высмеивал тех, кто отрицает этот весьма очевидный смысл и не понимает того, что время и силы, затраченные на получение аналогичного, было бы разумнее тратить на более нужные, актуальные и уникальные задачи.

«Труд составляет богатство. Ясно, что я разорюсь, если возьму выброшенную на берег доску. Мне нужно покровительствовать своему личному труду; и еще я могу создать себе дополнительный труд, если я пойду и брошу эту доску обратно в море!

– Но ведь такое рассуждение нелепо!

– Положим так.

Тем не менее оно принято на вооружение каждым народом, который покровительствует себе запрещением ввоза иностранных товаров», – пишет Бастиа.

В одном из своих замечательных трудов «Что видно и чего не видно» (отличный перевод на русский, кстати) Бастиа со свойственным ему остроумием и дотошностью камня на камне не оставляет от представления о том, что государственные расходы способны создать новые рабочие места и дополнительные богатства, наоборот – для всего этого требуется минимальное участие и даже самоустранение регуляторов.

Ничего нового в сравнении с тем, что нам известно сегодня, ничего нового в свете «контрсанкций» и «импортозамещения». И мы вполне вправе говорить, что этот (и этот тоже) урок экономики далеко не каждым правительством на планете усвоен. Или не усвоен вовсе.

Увы, нам как человеческому сообществу еще много лет придется наблюдать этот бесконечный бег по граблям, никто из читающих этот текст не доживет до тожества разума. Но Бастиа всегда поможет найти правильный ответ и принять верное личное решение, а значит, согласитесь – его жизнь прожита не зря.

Будем думать или жить по этажам?

Это одна из моих любимейших историй. Почему? В нашем российском дискурсе частенько идет речь о том, что любая сетевка – ресторанный, ритейловый – убивает мелкий бизнес. И вот здесь тоже сеть – железнодорожная, пример логистики. Ведь что такое сеть? Многие этого не понимают, а сеть – это в первую очередь экономия на логистике, на трех ее видах: транспортной, комплектующей, складской. Мы часто будем в исторических параллелях встречать это слово – «логистика». Вернее, тогда его никто не знал, но вообще, это наука о перемещении товаров, грузов и услуг. Она пронизывает все. Даже интернет-торговля, интернет-бизнес, так называемый e-commerce – это в первую очередь квинтэссенция логистики, а не IT-решений как таковых.

Посмотрите внимательно на эту историю. Для того чтобы поддерживать Бордо, на полном серьезе предлагалось делать разрыв. То есть, по сути дела,

останавливать железнодорожное сообщение. Но, слава богу, тогда был голос разума – жил такой значимый экономист, Фредерик Бастиа. Он не только был хорош с точки зрения экономической теории, но и остер на язык. Он блестяще высмеял этот луддитский[1 - Луддизм – борьба с достижениями инновационных технологий. По мнению борцов, эти достижения могут привести к безработице.] – по-другому его назвать нельзя – подход к логистике: мол, давайте тогда делать разрывы на каждом, что называется, перекрестке.

Когда я слышу, что надо ограничить вход тех или иных логистических сетей, например ресторанов, ритейлов, я всегда говорю: «А почему мы ограничиваем исключительно в рамках города? Давайте тогда делать еще жестче. Давайте, чтобы товары из одного подъезда не продавались в другом подъезде. Или вообще будем жить по этажам. Это тогда будет идеальная штука с разрывом».

Если говорить о том, как выжить бизнесу, который находится на базовой территории, то проблем нет. Это называется «сегментирование». Магазин продает те же самые товары, что сеть, получая их дороже от производителя. Имеет ли право на существование эта архаичная форма организации торговли? О сегментировании и распозиционировании имеет смысл говорить, когда есть ширина, глубина ассортимента. Об этом я писал в книге «Бизнес – это глаголы и существительные, которые заканчиваются цифрами».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Луддизм – борьба с достижениями инновационных технологий. По мнению борцов, эти достижения могут привести к безработице.

Купить: https://tellnovel.com/ru/potapenko_dmitriy/bezumnaya-ekonomika-dlya-dumayuschih-lyudey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)